

ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

О СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ КОЛЛАЙДЕРЕ ОБЩЕСТВА

П.К. Гречко

Обращаясь к открытому письму российских ученых, работающих в ведущих университетах и исследовательских центрах мира, Президенту РФ, хочу сказать следующее. Понятна боль за судьбу образования и науки в родной стране: положение дел в этих областях, которыми еще недавно мы оправданно гордились, действительно катастрофическое. Одно очень выразительное на этот счет сравнение. Его привел, выступая на пленарном заседании V ассамблеи Всемирного форума «Интеллектуальная Россия» (Москва, 20 октября 2009 г.), С.М. Миронов, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ: «Наша страна инвестирует в сферу исследований и разработок в два раза больше средств, чем Канада. Но при этом мы имеем в два раза меньше публикаций в признанных научных изданиях, в четыре раза меньше цитирований, в десять раз меньше международных патентов и в три раза меньше поступлений от экспорта технологий».

Настоящие заметки, однако, не о «боли за судьбу», а о том, что можно было бы обозначить как судьбу (читай: будущее, предлагаемые следствия или последствия) этой самой боли. Так вот, рассматриваемая боль очень избирательна, касается она только фундаментальной науки и естественнонаучного образования. Отсюда и предложение — бросить все силы на создание коллайдера частиц высоких энергий нового поколения. Натолкнувшись на это предложение, я вспомнил, как-то само собой, В. Высоцкого: «Товарищи ученые, доценты с кандидатами!.. Сидите, разлагаете молекулы на атомы, забыв, что разлагается картофель на полях». Только тогда речь шла о молекулах и атомах, а сегодня — о позитронах и электронах. По отношению к разлагающейся картошке разницы никакой. К ней, картошке этой, восходят в конечном счете все наши беды. Нынешнее положение образования и науки — тоже. Похоже, и в самом деле нет пророка в своем отечестве — ни резидентном, ни диаспорном.

То, что «фундаментальная» волна не случайное явление в/для России, говорят и непрекращающиеся протестные акции наших академиков. Одна из последних — митинги представителей академических институтов Санкт-Петербур-

бурга и Москвы (13 и 17 мая 2010 г. соответственно) в защиту фундаментальной науки и, в частности, за отставку министра образования и науки А. Фурсенко.

Фундаментальная наука — вещь универсальная, и развернута она на мир, человечество в целом. Но человечество ведь состоит из отдельных отечеств. Не лучше ли начинать с российского в нашем случае? Может, будем все-таки ближе к практике, к жизни и начнем предлагать что-то для лечения пандемии алкоголизма и снижения убыли населения, о чем, в частности, говорит в своей статье «Россия, вперед!» наш Президент. Или изобретем и запустим в производство настоящий российский «Фольксваген» — все не «Ока» какая-то.

Перейдем, однако, на более академический язык. Почему такая привязанность к фундаментальной науке — разве там у нас главный кризис? Понятно, работает знаменитая логика основного звена, ухватившись за которое, можно якобы вытянуть всю цепь. Только забывается, что у хорошо сработанной цепи нет никакого основного звена, есть, может найтись звено слабое, на нем вся цепь и рвется. Таким звеном сегодня, учитывая актуальность модернизации и технологизации страны, оказываются прикладные науки и НИОКР, вот туда и нужно направлять исследовательское внимание наших ученых, основные средства и силы страны. В отсутствие или явной слабости среднего и нижнего звеньев в совокупной научно-исследовательской деятельности не проходит, выдыхается, гаснет весь творческий импульс, идущий сверху, от фундаментальной науки.

Вопрос стоит не так: «нужна или не нужна нам наука?». Конечно, нужна, разумеется, востребована, более того, жизненно необходима. Однако же не вообще, не в абстрактном или «спортивном», отстраненно приятном смысле этих слов. Сама по себе фундаментальная наука — роскошь, украшение праздничного стола жизни. Но ведь не до праздника и не до роскоши той, довольно значительной, части нашего населения, которая не дотягивает до прожиточного минимума, находится ниже черты бедности.

Тут есть о чем думать. Тем более что фундаментальными плодами науки могут воспользоваться только технологически развитые страны. Наша проблема — не ученый-«фундаменталист», а токарь 6-го разряда — вот что, вернее, кого приходится искать. Да еще толкового, по-настоящему современного инженера. Обобщаю: в стране с выпавшим низшим (токарь 6-го разряда) и слабым средним (адекватный требованиям времени инженер) звеньями в научно-практической цепочке бытия (человека и общества) высшему звену, т.е. фундаментальной науке, делать нечего. Релевантный, хотя и самостоятельный аспект проблемы — отношение академической (фундаментально-поисковой) и отраслевой (по сути прикладной) науки. Выверенно-благополучным оно у нас тоже не является.

Вопрос, следовательно, требует переформулировки, а именно: какая наука нам нужна? Ясно, что не только наука должна идти в практику, но и наоборот, практика — в науку, к науке. У каждой из сторон здесь свой отрезок пути, и его непременно нужно пройти. Наука должна быть адекватной практике — заметим, не как таковой или вообще, а конкретной, здесь и теперь разворачивающейся. Кроме истинности у науки есть еще одно очень важное измерение — легитимность. Идет она от практики, задается самой жизнью. В каком-то смысле легитим-

ность первичнее истинности, поскольку от нее исходит не только одобрение, внутренняя поддержка, но и финансирование, порядок и объемы выделяемых на науку средств.

Было бы неправильно понимать сказанное как одобрение ползучего эмпиризма и узколобого прагматизма. Наука не должна скользить по рельефу жизни, она призвана освещать ее перспективы, обогащать, приподнимать практику. Не отрываться, так сказать, но и не быть растворенной, опущенной до плинтуса повседневности. Не отрыв, а подъем, возвышение, понимающее и критическое одновременно. Никто точно не знает, каким должно быть это возвышение науки над жизнью, но оно непременно должно быть, чтобы обозначить и тем указать на необходимость идти дальше, расти, развиваться. «Возвышаться» можно лишь до тех пор, пока сохраняется пусть минимальное, но сцепление, резонанс с конкретно-исторической практикой, иначе легко сорваться с орбиты жизни и улететь в бесплодное пространство утопии. Иногда «промежуточные» конструкции и разработки оказываются здесь более эффективными, чем даже самые продвинутые технические решения. Искомое продуктивное возвышение определяет опять-таки наука, научное сообщество, но планку высоты проектно-целевым образом выставляет все же общество, его коллективная воля.

Взаимосвязь науки (теории) и практики настолько органична, что можно смело настаивать на их континуальности: не может быть хорошей теории без хорошей практики. Как, впрочем, и наоборот, хотя реальный исторический динамизм в эту статичную по виду симметрию вносит все же практика. И это понятно: именно практика, а не теория является здесь более широкой, системно охватывающей и потому направляющей, задающей тон реальностью. Судя по состоянию нашей практики, прежде всего экономики, реальный потенциал нашей науки сильно преувеличен. Несколько перефразировав известное выражение, уместно спросить самих себя: «Если мы такие умные, то почему мы не такие богатые?» Может, присмотреться к опыту тех стран, которые фундаментальной науки не имеют, и поставить вопрос ребром: «А зачем нам фундаментальная наука?» Ответ, безусловно, есть, и его нам со всей научной откровенностью сформулировал вице-президент РАН академик А. Некипелов: «Много стран ее (фундаментальную науку — П.Г.) не имеют и прекрасно существуют. Если же задачи амбициозные — определять развитие мира, встать вровень с лидерами, то без фундаментальной науки не обойтись» [3]. Жаль, конечно, а мы-то думали, что развитие науки, в том числе и фундаментальной, связано как-то с народным счастьем, с перспективой именно «прекрасного существования».

Практика, как нас учили и продолжают учить, является критерием истины. В свете обрисованной выше взаимосвязи очевидно, что только истинная (развивающаяся, не искаженная — коррупцией, например) практика может доказать истинную теорию, истинность теории. Что до неистинной, деформированной, превращенной практики, то с ее помощью мы можем «доказать» лишь неистинную теорию. Иначе говоря, ложная теория вполне может быть адекватным и в этом смысле истинным выражением объективно ложной практики.

Вот и судите теперь, что подтверждает наша технологически не развитая практика — по факту, а не по замыслу, разумеется. «Хотели как лучше, а получилось как всегда» — это все о том же, крылато и точно. Впрочем, и здесь нужны уточнения.

«Как всегда» — это для традиционного общества с его циклическим укладом жизни, с его хождением по все тем же кругам бытия. Ничего нового и необычного, но ситуация в целом стабильная — в терминах выживаемости, разумеется.

В современном же обществе с его сложной и нелинейной динамикой, бытийной негарантированностью, глобальными рисками и угрозами конечный результат может оказаться не «как всегда», а гораздо ниже и хуже. Афоризмы или крылатые слова, что очевидно, тоже привязаны ко времени и устаревают вместе с ним.

До практики науке трудно добраться еще и потому, что она всегда затянута ценностно-нормативной облачностью, т.е. тем или иным состоянием умов и нравов. Здесь мы следуем, несколько обобщая, идее булгаковского профессора Преображенского: все разрухи, равно как и порядки, начинаются не где-нибудь, а в головах людей. Но если не довольствоваться литературным персонажем и поискать более «конкретного» автора, то мы выйдем, скорее всего, на Макса Вебера, который убедительно обосновал решающую роль «духа» (ценностей, норм, идеалов), а не «материи» (хозяйственной практики, техники, технологии) в жизни человека и общества. Вебер, в частности, показал, что капитализм на самом деле начинался не с первоначального накопления капитала, как у Карла Маркса, а с духа капитализма — протестантской трудовой этики. И в самом деле, прежде чем пустить что-то в свою жизнь (преобразовательную, практическую), надо прежде впустить его в свое сознание, свою душу, внутренне принять, согласиться, «встать на сторону». Если, например, вы убеждены, что частная собственность — это одна эксплуатация, обман и кража, то наверняка вам трудно будет удержаться от соблазна или «естественной склонности» вставить ей палки в колеса. Данная взаимосвязь, заметим, носит универсальный характер, засечь ее можно в любой сфере общественной жизни, по отношению к любому социальному явлению. Что в общем-то и делается. Д. Харлен: «Демократия — это не государственная структура, а система ценностей». Дж. Стиглиц: «Главное — это не сами институты, а умонастроения в них...»

Ясно, что «порядок в голове» могут навести только адекватные — отвечающие духу времени, его вызовам и рискам — ценности. Интересную информацию для размышлений в этом плане дает исследование В. Магуна и М. Руднева, посвященное сравнению сегодняшних ценностей россиян с ценностями европейцев. Оказывается, что по «благожелательности» (помощь окружающим, верность друзьям и т.п.) Россия занимает одно из последних мест среди 20 европейских стран. Несколько лучше обстоит дело с «универсализмом» (готовность выслушивать мнение других, забота об окружающей среде и т.п.), но и по нему мы отстаем от 12 стран.

Так что коллаидер нам действительно нужен, но только не научно-технический, а социально-гуманитарный. И разгонять он должен не заряженные частицы,

а людей, заряженных свободой, инициативой и продуктивным воображением, дисциплилируемых полем ответственности, конкуренции и риска. Иными словами, именно социально-гуманитарная культура и фундирующее ее образование являются ключевым ресурсом для развития общества. Без нее не впечатляет естественнонаучная и непременно хромает техническая (технологическая) культура. В этом утверждении нет недооценки, тем более принижения естественнонаучной и технической культуры.

Как естественные, так и технические науки имеют дело не только с «неодушевленными вещами». И, тем не менее, нельзя оспаривать того, что именно в лоне социально-гуманитарной культуры формируются два важнейших капитала общества — человеческий (способности, умения, знания — в их ценностной определенности) и социальный (доверие, солидарность, доброжелательность, участливость). Капиталы эти всепроникающие, они влияют, притом существенным образом, на все остальное в обществе: на экономику, политику, социальную сферу, на науку, технологию и т.д. Вместе взятые, они участвуют в формировании действительно современного, отвечающего духу времени образа жизни, хорошо резонирующего, в частности, с эвристикой наблюдений, что по-настоящему, т.е. целепродуктивным образом, работают люди, а не деньги, что нашему времени отвечают больше «ценности развития», а не «ценности выживания». И еще — что освобождает, делает человека по-настоящему свободным не инструментальное (естественное и техническое), а коммуникативное (социально-гуманитарное) знание.

Излишне говорить, что адекватной политической оболочкой для данных капиталов, очень чувствительных к обратной социальной связи, к партнерству в отношениях между управляющими и управляемыми, является сегодня демократия. На нее, в полном соответствии с «medium is message» Х.М. Маклюэна, работают и современные информационно-коммуникационные технологии, в особенности Интернет. Демократия в такой ситуации становится чем-то вроде технологического вызова времени.

Когда-то, в перестройку еще, мы мечтали о первом непороте поколения. И вот оно наконец-то появилось. Но оказалось, что этого мало: свободе нужно учить, к ней важно умело приобщаться. Так что на очереди у нас теперь новая мечта — первое по-современному образованное поколение. Очевидно, что главная нагрузка в реализации этой мечты — а это рано или поздно случится — ложится на плечи именно социально-гуманитарного образования.

Современные наукоемкие технологии недаром называются тонкими. Не приходится доказывать, что и человек, их производящий и их эксплуатирующий, должен быть таким же — тонким. Тонкость же человека настраивается как раз по камертону человеческого и социального капиталов, в рефлексивной по преимуществу среде, развивающейся в сторону среды дискурсивной. Дискурсивной — значит, диалогически аргументативной, погруженной к тому же в событийную стихию жизни.

Тонкая настройка работника как ученого, так и производственника — самое настоящее веление времени. Кажется, наше общество уже ушло от эпохи

строительства Беломоро-Балтийского канала и ГУЛАГовских шарашек, когда руки не доходили до тонкостей, да и особой нужды в них не было. Ситуация нынче радикально изменилась, и всем понятно, что проявлять инициативу, заниматься инновациями, изобретать и творить может только свободный, по-настоящему раскрепощенный (и в мыслях, и в поступках) человек. Такой человек признает только одно принуждение — силой аргумента, оптимального расчета, убеждения и авторитета. Голое администрирование, властно-бюрократические циркуляры портят ситуацию в корне, нагоняют тоску и скуку, порождают пассивное, онемело молчащее, согласное на все и со всем большинство. Эту ситуацию уже вышучивают. Я имею в виду леворадикальный Марш согласных, который состоялся в Санкт-Петербурге 25 января 2009 г. Его участники несли, среди прочих, и такой плакат: «Мы согласны на все!»

Тонкие технологии, тонкий человек — тут прямая связь-корреляция с демократией. Знания, как и технологии, в неволе не размножаются. Сама демократия — тончайший политический механизм, держать его в приличной исторической форме стоит немалых трудов. Но продуктивный динамизм жизни, им «возбуждаемый», того стоит. Тонкие технологии называют еще высокими. Что тоже понятно: они должны быть на высоте человека, его положения-призвания, его экзистенциальных устремлений и запросов.

Строительство социально-гуманитарного коллаидера общества необходимо начинать с самого начала — с модернизации образования. Так распорядилась история, что мы в свое время совершили индустриализацию, не вкусив как следует модернизации. То есть не проварились по-настоящему во всеобъемлющем общественном процессе рационализации, не осознали свободу как нравственную необходимость, как награду, но одновременно и как тяжкое бремя жизни. По этой причине, заметим, у нас и бюрократия какая-то особая — не «рациональная», как на Западе.

Ученые, как видим, жалуются на низкий уровень естественнонаучного образования в стране. Но ситуация с социально-гуманитарным образованием еще ниже. И это притом, что от него прежде всего зависит качество принимаемых решений, а значит, и следующих за ними дел. Я лично глубоко убежден, что, получи наши чиновники приличное гуманитарное образование (как самостоятельное, так и в составе любого другого), они бы не писали таких дремучих, часто не выдерживающих тест на здравый смысл инструкций.

Больше всего наше социально-гуманитарное образование пострадало от того, что обслуживало узко понятые, конъюнктурные идеологические и политические интересы, что в нем недоставало культурной самодостаточности — только декларировалась, но не ставилась в качестве реально выполнимой задача развития человека как самоцели. На дворе сегодня уже другая эпоха, но инерция продолжается, сложившиеся традиции не отпускают, давят, причем не только в качестве некой внешней силы, но и через психологию личной несамостоятельности, внутреннего цензора и соглядатая. Так глубоко вошли в наше сознание социально-внешние скрепы жизни.

Системный характер рассматриваемого кризиса объясняет, почему все, даже, казалось бы, чисто методические его проблемы приобретают заметное социальное

звучание. Скажем, в нашем социально-гуманитарном образовании недопустимо мало анализа, аналитики, все больше растекаемся мыслию по древу. Не мыслью, а именно мыслию, которая, как мысля, всегда опосля — после очередного ЧП, личной или общественной трагедии. Аналитика, внимание к различиям, деталям и нюансам — первый и непреременный шаг на пути к социальной инженерии, технологии как таковой, ибо на развитой аналитической основе и синтез получается более богатый.

Традиция, в рамках которой мы, гуманитарии, продолжаем по инерции приобщать молодых людей к своему знанию, отвечает, воспользуемся кантовской терминологией, на три вопроса: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?». «Что делать», как видно, идет здесь под знаком долженствования. И это расхолаживает ситуацию в целом. Мы знаем, как должно. Но в жизни-то ведем себя часто по-другому. К указанной троице сегодня нужно добавить еще один вопрос: Что я могу делать? Данный вопрос выводит нас на компетенцию, т.е. единство знаний, умений и навыков (с акцентом на умения, ибо навыки ассоциируются с какой-то заведенностью).

Компетенция, компетентностный подход — это сегодня на слуху. Много говорится, «озвучивается», до дела все еще далеко. Тут есть свои сложности и заинтересованности, что множит мнения и подходы. Имея в виду общую — модернизационную — перспективу социально-гуманитарного образования, мне бы хотелось предложить для обсуждения несколько укрупненно-целостных компетенций.

Прежде всего поиск, идентификация и концептуальная фиксация проблем, т.е. культура вопрошания, которая находится у нас на очень низком уровне. Приходится читать тексты и слушать лекции, в которых не поставлено ни одной реальной, действительно волнующей нас проблемы. Красивая, умная и гулкая пустота. Бывает, встречается и такое: есть ответы на непонятно какие вопросы. Кроме того (видимо, из-за «всемирной отзывчивости») мы часто пытаемся отвечать на не нами поставленные, откровенно импортные, а то и манипулятивно навязанные вопросы. Но в отсутствие реального контакта с действительностью и полноценного чувства проблемы на большее, чем нанорезультат, рассчитывать здесь не приходится. Излишне говорить, что в социально-гуманитарных науках, в их преподавании правильно поставленные проблемы значат иногда больше, чем предлагаемые решения. Заметим также, что проблемы требуют строгого и конкретного мышления. Когда же их нет или они не идентифицированы, наш «внутренний мир» наполняется воспоминаниями, ассоциациями, мечтательностью и т.п. формами ментально «расслабленной» активности.

Рефлексивность как компетенция — это обращенность мысли на самое себя — к субъекту, на субъект, это самоотчетность, критичность и аналитичность. Рефлексивность показывает, что из гуманитарной культуры «человекоразмерность» невычитаема, а равно и то, что ложка дегтя легко может испортить здесь бочку меда, что «дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно». Рефлексивная точность аналитико-понятийная. А что часто приходится наблюдать? Выдвинута интересная идея, обозначена плодотворная перспектива, а критического осмысления собранного материала нет, аналитическая огранка отсутствует, рефлексив-

ная нюансировка и не предполагается. Увы, к социально-гуманитарной теории у нас по-прежнему относятся как к идеологии, продолжая по инерции работать с идеями, а не с их аналитико-аргументативными основаниями.

Еще одна очень нужная нам компетентность — имагинативная (*imagination* — воображение). Из всех наших дефицитов, коих немало, главный или ключевой сегодня — дефицит воображения. Не маниловского и не обломовского — этого-то как раз в избытке, а того, что отличается творческой продуктивностью, что не только светит, но и греет. Много не идет в нашу жизнь, не реализуется, не становится ее органической частью только потому, что мы даже представить себе не можем, что оно может-таки быть. Попробуйте, например, убедить нашего рядового избирателя, что от него что-то зависит в «этой стране». «Практики воображения» в наше насыщенное постоянными изменениями время должны стать конститутивной чертой процесса образования, а равно и повседневного образа жизни людей. Нужно дерзать, мужественно и ответственно работать с мыслью, не бояться быть непонятым и неоцененным.

С воображением, или имагинативностью, напрямую связана альтернативность — умение предложить противоположное или иное (другая версия) решение той или иной проблемы. Умение это у нас тоже редкое, его нужно активно и целенаправленно формировать. Идеино-политическое единство прошлого и властная вертикаль настоящего к этому как-то не располагают. Важно в данной связи отказаться от «генеральной линии», от единственно правильного ответа на тот или иной вызов времени. Мы живем сегодня в плюралистическом обществе, а в нем все социально-гуманитарные истины должны выставляться на публичное обозрение (попадать в «публичную сферу») и доказывать свое право на существование в честной конкурентной борьбе. Истинная альтернативность учит не только свободе и творчеству, но и интеллектуальной, а также социальной ответственности. Обращение к альтернативности жизненно необходимо для нынешней (и не только отечественной) системы образования, которая, по очень точному наблюдению П. Бурдые, «лишает «обучаемых» понимания... всего того, что она им не дает». Своей патерналистской авторитетностью она отсекает или блокирует всякие «расширения» за счет другого, иного, чужого.

Теперь о гибкости. Как компетентность она особенно важна в наш непредсказуемый, насыщенный разными рисками и вызовами век. Известный англо-американский системный теоретик Г. Бейтсон определял гибкость как «не зарезервированный для какой-либо конкретной цели (*uncommitted*) потенциал к изменению». Следуя ему и принимая во внимание специфику нашего предмета, я бы определил «гибкостную» компетентность как формирование фундаментально-стратегического потенциала к изменению, как подготовку встречи с неожиданными, непредсказуемыми изменениями.

Наконец, о коммуникативной рациональности — компетенции совершенно новой и действительно современной. Времена, когда истина считалась чем-то сугубо «отражательным» и объективным, канули в Лету, кризис репрезентации сегодня — общепризнанное явление. Истину теперь приходится достраивать, «подправлять», выделяя в ней коммуникативную составляющую. Коммуникативно-рациональную компетенцию нужно целенаправленно прививать, обучающим

образом формировать, органически сочетая рациональную аргументацию с императивом толерантности, с искусством диалога, с культурой общения и взаимопонимания.

Компетентностный подход к образованию (в данном отношении социально-гуманитарное образование едино с естественнонаучным и техническим) необходимо увязать с институциональным, иначе весь пар модернизации опять уйдет в гудок. Важнейшее направление институционализации образования — его «интерактивная» связь с возвышающей социальной мобильностью. Выражаясь по-другому, речь идет о превращении образования в главный ресурс жизненной карьеры человека. Пока же «социальный лифт» нашего общества использует энергию образования для подъема только на нижние этажи. С этажа достаточно высокого определяющей оказывается уже «социальная породистость»: связи, знакомства, наследуемый статус, «оппортунистическое поведение», угодливость, лояльность и т.п. До тех пор, пока национальным достоянием будет считаться голубое топливо, а не тот талант, который горит в груди творческого человека, так оно, видимо, и будет оставаться. Тут есть, могут быть претензии к самой природе: почему не сделала всех равно талантливыми? Но преодолевать это неравенство какими-то обходными, «задними» путями — значит, делать его еще большим и определенно несправедливым.

Видимо, нет более справедливой социальной мобильности, чем через образование, которое выявляет и развивает таланты единственно правильным и достойным человека способом — поощряя работу над собой, своим профессиональным ростом, своей самореализацией.

Возвращаясь к началу наших рассуждений, хотелось бы сказать следующее. Формирование современной социально-гуманитарной культуры, полемически названной мною коллайдером, призвано модернизировать наше общество, но прежде — нашего человека, превратив его в действительно конкурентоспособного индивидуума, способного адекватно ориентироваться в плюралистической среде и творчески отвечать на вызовы и угрозы нашего времени. Именно в этом я вижу стратегическое направление реализации призыва-обращения нашего Президента «Россия, вперед!».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Елецкий Н.Д.* Больное образование в большом обществе // Свободная мысль. — 2008. — № 7.
- [2] *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. — 2008. — № 1 (93).
- [3] *Медведев Ю.* Возвращенцы и невозвращенцы. Почему академик обидело письмо уехавших на Запад ученых [беседа с академиком А. Некипеловым] // Российская газета. — № 202 (5026). — 23 октября. — 2009.

SOCIAL AND HUMANITARIAN COLLIDER OF SOCIETY

P.K. Grechko